

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.200.7.060-075

Д. В. Мирошниченко*

Социокультурные основания уголовно-правовой парадигмы

Аннотация. В статье ставится вопрос о возможности применения парадигматического подхода к социальному знанию — наподобие естественной науки. И если такой подход применим, то проблема состоит в основании выделения парадигм, в частности применительно к уголовному праву. Научное знание, частью которого является уголовно-правовое знание, следует рассматривать в единстве с мировоззренческими основами общества. Насколько меняется мировоззрение, настолько меняются и социокультурные основания научного познания. Мировоззренческая основа обуславливает необходимую связь между естественно-научным и социальным познанием. Обосновывается позиция, согласно которой парадигма в социальных науках должна зависеть не от открытий, как в естествознании, а от изменений, происходящих в самой структуре мышления человека. За основу принимается деление парадигм на классическую и неклассическую, что соответствует научным установкам — реализму и конструктивизму. Это методология позволила связать с реализмом онтологические типы правопонимания, в основании которых находятся метафизические сущности (Бог, разум, космос, природа), а с конструктивизмом — современный постмодернистский тип правопонимания, не апеллирующий к онтологии. Рассматривая ключевое понятие преступления сквозь призму обозначенных парадигм (классической и неклассической), автор показывает, как вместе с эволюцией отношения к человеку меняется взгляд на цели и задачи уголовного права, как изменяется классическая парадигма (парадигма ответственности) на неклассическую парадигму (парадигму безопасности). Обе эти парадигмы определяют вектор развития уголовного права и уголовной политики, что обусловлено развитием представления о человеке и обществе.

Ключевые слова: уголовное право; парадигма; классическая парадигма; неклассическая парадигма; правовое мышление; уголовно-правовое знание; социальное знание; позитивизм; конструктивизм; естественное право; реализм.

Для цитирования: *Мирошниченко Д. В. Социокультурные основания уголовно-правовой парадигмы // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 7. — С. 60–75. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.200.7.060-075.*

Sociocultural Foundations of the Criminal Law Paradigm

Daniil V. Miroshnichenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines, Russian Academy of Advocacy and Notary per. Maly Poluyaroslavsky, d. 3/5, str. 1, Moscow, Russia, 105120
89260510353@yandex.ru

Abstract. The paper raises the question of the possibility of applying a paradigmatic approach to social knowledge in a way similar to natural science. And if such an approach is applicable, then the problem lies in allocation of paradigms, in particular, in relation to criminal law. Scientific knowledge, of which criminal law knowledge is a part, should be considered in unity with the ideological foundations of society. As far as the worldview changes, so do the socio-cultural foundations of scientific knowledge. The ideological basis determines the necessary connection between natural science and social cognition. The position is substantiated, according to which the paradigm in the social sciences should not depend on discoveries, as in natural science, but on changes occurring

© Мирошниченко Д. В., 2023

* *Мирошниченко Даниил Викторович*, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин НОУ ВПО «Российская академия адвокатуры и нотариата»

Малый Полуярский пер., д. 3/5, стр. 1, г. Москва, Россия, 105120
89260510353@yandex.ru

in the very structure of human thinking. The division of paradigms into classical and non-classical is taken as a basis, which corresponds to scientific attitudes, namely, realism and constructivism. This methodology allowed us to associate ontological types of legal understanding with realism, which are based on metaphysical entities (God, reason, cosmos, nature), and with constructivism — a modern postmodern type of legal understanding that does not appeal to ontology. Considering the key concept of a crime through the prism of the designated paradigms (classical and non-classical), the author shows how, along with the evolution of attitudes towards a person, the view of the goals and objectives of criminal law changes, how the classical paradigm (the paradigm of responsibility) changes to the non-classical paradigm (the paradigm of security). Both of these paradigms determine the vector of development of criminal law and criminal policy formed as the result of development of the concept of man and society.

Keywords: criminal law; paradigm; classical paradigm; non-classical paradigm; legal thinking; criminal law knowledge; social knowledge; positivism; constructivism; natural law; realism.

Cite as: Miroshnichenko DV. Sotsiokulturnye osnovaniya ugovovno-pravovoy paradigmy [Sociocultural Foundations of the Criminal Law Paradigm]. *Lex russica*. 2023;76(7):60-75. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.200.7.060-075. (In Russ., abstract in Eng.).

Парадигма в естественных и социальных науках. Понятие «парадигма» было сформировано в сфере философии науки для осмысления эволюции научной мысли и движения человеческого познания. В частности, это понятие ассоциируется в основном с именем Т. Куна, который в книге «Структура научных революций» использовал его для обоснования научных революций в естествознании. При этом под парадигмой Т. Кун понимает «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»¹. Смена парадигм характеризуется как прогресс научных исследований, когда более поздняя парадигма является совершеннее, чем предыдущая. Примером может послужить «коперниканский переворот» XVI в., обозначивший переход от геоцентризма к гелиоцентризму. Все поворотные изменения в науке, которые связаны с другими известными именами: И. Ньютона, А. Л. Лавуазье, А. Эйнштейна и др., характеризуются открытиями, которые провоцируют научные революции. Их следствием становится отказ научного сообщества от той или иной научной теории в пользу другой теории, несовместимой с прежней. Изменения в научном сознании ведут к постановке новых проблем, к переосмыслению идеалов и стандартов научного исследования, что в конечном счете означает изменение представления о мире (мировоззрения).

Следует отметить, что изменения в научной картине мира, которые сопровождаются

сменой исследовательских парадигм, сами по себе невозможны без изменения общей культуры и мировоззрения. Здесь обнаруживается взаимное влияние: мировоззрение влияет на образцы научного мышления и творчества, а фундаментальные изменения в науке — на мировоззрение. На эту взаимосвязь обращал внимание академик РАН В. С. Степин: «Научная картина мира взаимодействует с мировоззренческими структурами, образующими фундамент культуры как непосредственно, так и опосредованно, через систему философских идей, которые предстают в качестве рациональной экспликации соответствующих мировоззренческих смыслов»². Такие категории, как «природа», «вещь», «космос», «атом», «свобода», есть мировоззренческие категории, которые зависят от социокультурной обусловленности, определяют порядок взаимодействия людей, модель мышления на том или ином историческом этапе развития общества. Например, на ранних этапах, для которых характерно мифологическое мышление, они наделялись тем же мифологическим смыслом; на современном этапе указанные категории становятся объектами научного анализа, в связи с чем обретают эмпирическое содержание. Каждый тип научной парадигмы или научной картины мира на разных этапах развития функционирования науки испытывал воздействие мировоззренческих структур и вместе с тем вносил свой вклад в их формирование³.

В связи с этим возникает вопрос о возможности применения парадигмального подхода

¹ Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М. : Прогресс, 1977. С. 11.

² Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. С. 194.

³ Степин В. С. Указ. соч. С. 198.

к социальной и гуманитарной сферам научного познания, в которых изменения происходят гораздо медленнее, чем в естествознании, напоминая скорее не революцию, а эволюцию. Главным образом естествознание давало необходимый стимул и выступало образцом для гуманитарных исследований, что проявлялось в заимствовании методологии в первую очередь для целей изучения человека и общества. Например, на социологию оказывает влияние парадигма механицизма⁴, органицизма и эволюционизма⁵. Вместе с тем явления, относящиеся к сфере социальных и гуманитарных наук, остаются в значительной степени субъективными, являются результатом интерпретации, логических схем, а не экспериментальных доказательств. Поэтому социогуманитарное знание характеризуется нестабильностью объектов исследования, которые находятся под влиянием ценностей и идеологий⁶, в силу чего Т. Кун сомневался в возможности существования парадигм в социальных науках⁷.

Для того чтобы обозначить возможность парадигмальных изменений в социогуманитарном познании, в первую очередь представляется необходимым понять, изменялся ли подход к познанию человеком самого себя. Это важный вопрос, поскольку от ответа на него зависит отношение человека не к природе вещей (внешним явлениям) как таковым, а к самому себе (своим ценностным переживаниям). Этот вопрос является антропологическим, поскольку ставит проблему в ракурсе рефлексии собственного мировосприятия, отношения к другим индивидам, социальным чувствам и отношениям. Кроме этого, отсюда также вытекают и другие, не менее важные вопросы: о бытии, сознании, месте человека в мире, его природе и т.д. Пожалуй, именно этот антропологический поворот не только задает тонус для развития социального познания, но и оказывает влияние на естественно-научное знание.

Свобода и природа. Существенным элементом рефлексии собственной природы человека выступает проблема свободы. Свобода — это неотъемлемый атрибут человеческого суще-

ствования, делающий его уникальным, отличным от мира вещей и животных. В условиях, когда человек полагает, что он свободен, парадигма познания обретает единственный ракурс — метафизический, для которого эволюционный, органицистский процесс становления не характерен. Человек единожды рождается свободным. В этом случае он не вещь и не простая часть природы, а нечто большее — надприродное, рефлекслирующее, свободно действующее существо. Его свобода определяется свободой творчества, искусства, права, морали, которые являются не природными, а только духовными проявлениями. Свобода неподвластна природе, а потому невозможно физическими способами изменить ее так, чтобы она понималась как-то иначе: или свобода есть, или ее нет.

С другой стороны, человек не есть абсолютный дух, для него свойственна телесность, поэтому он является частью материальной природы и подчиняется ее законам (человек спит, ест, действует, в конце концов умирает). Все эти аспекты жизнедеятельности характеризуют его конечность и ставят в зависимость от природы.

Поэтому человек образует двуединое начало свободы и патологии (зависимости от природы). В течение истории человечество пыталось ответить на вопрос, что является первичным: дух или материя. В стремлении ответить на этот вопрос (который является вопросом онтологии человеческого бытия) социогуманитарная мысль придерживалась то одной, то другой точки зрения. Первая из них (о первичности духа) укладывается в трансцендентное (религиозное, мифологическое, идеологическое), или трансцендентальное (идеализм), мировосприятие; вторая (о первичности материи) — в позитивистское (эмпирическое). Переключение взгляда со свободы на природу, которое Т. Кун называл изменением гештальта, порождает новые смысловые значения при одинаковых внешних данных. «Во время революции, когда начинается изменяться нормальная научная традиция, ученый должен научиться заново воспринимать окружающий мир — в некоторых хорошо известных ситуациях он должен научиться ви-

⁴ Ламетри Ж. Сочинения. М. : Мысль, 1983. С. 169–226.

⁵ Спенсер Г. Социальная статика. Киев : Гама-Принт, 2013. 496 с.

⁶ Горбухова М. Ю. Естествознание и гуманитарные науки: различие и проблема единства в контексте формирования гуманитарной культуры специалиста-естествоиспытателя // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 2. С. 101.

⁷ Суворов Г. В. Методологические проблемы формирования парадигм гуманитарного знания. Киров: Вятский государственный университет, 2021. С. 31.

деть новый гештальт»⁸. Если раньше мир находился во власти Бога, то с новой позиции этот мир в руках человека. Свобода в этом случае уже не трансцендентальная, а эмпирическая: человек волен поступать как ему хочется, самоопределяться независимо от метафизических установок. Свобода становится не даром, а необходимостью, подчиненной внешним обстоятельствам (экономике, праву, морали), которые воспринимаются механистически. Человек изменил взгляд на самого себя: он уже не подвластен, а властен над природой и в то же время ограничен ею. В этом состоит коренное изменение, которое человечество претерпело в Новое время (XVIII–XIX вв.) и которое сохраняется до наших дней. Неслучайно именно в рамках позитивизма были сделаны наиболее выдающиеся открытия в социогуманитарном знании (возникли социология, политэкономия, диалектический материализм, эволюционизм и т.д.). Можно назвать этот вектор развития социальной эпистемологии эпохой натурализма. Взамен утраченной свободы человечество приобрело новую мировоззренческую основу для преобразований природы, которая анализируется не в сфере метафизики, а в сфере естественных наук. Пожалуй, обозначенные социокультурные трансформации являются наиболее существенным сдвигом в развитии человеческого знания вообще, которые затронули все области знания, включая и интересующее нас правовое познание.

Правовая парадигма. Каждая область науки стремится к выработке собственных идеалов и стандартов познания, выстраиванию аксиоматики, на основе которой возможно развитие точного научного направления, традиций и культуры научного творчества. Правовая наука не исключение. Однако анализ литературы позволяет сделать вывод, что единого методологического подхода к понятию парадигмы в праве до сих пор не выработано. Единственно, что объединяет позиции авторов, высказывавшихся по ее поводу, — это некий образец, фун-

дамент, который лежит в основании развития существующей прикладной дисциплины. Парадигма воспринимается как: принципы права⁹, типы правопонимания¹⁰, конвенции, разделяемые большинством представителей научного сообщества¹¹, правовая культура¹².

Представляется, что определения парадигмы в указанных вариантах являются субъективными и чересчур произвольными. Например, от того, какую позицию занимает ученый (юснатурализм или позитивизм) будет зависеть стандарт его мышления о праве. Но в то же время этих стандартов может быть столько, сколько типов правопонимания представляет то или иное научное сообщество или отдельный ученый. Иначе говоря, правовой плюрализм не позволяет выработать какой-то единый способ мышления о праве. Хотя думается, что парадигма должна носить социокультурный характер, охватывать модель мышления самого общества, которое задает необходимый параметр правопонимания.

Следует обратиться к метапознанию парадигмы, которая может демонстрировать отдельные аспекты, характерные для юридического познания. Например, в эпоху Средневековья царствовала естественно-правовая теория, основанная на законе Божием, что само по себе определялось интеллектуальным духом того времени. Однако по ключевому положению этот аспект (естественно-правовой, основанный на теологии) характеризует стремление мышления к трансцендентной онтологии, что предопределяется мировоззренческой спецификой — верой в Бога.

Принципы права также не могут быть рассмотрены как образцы научного исследования, поскольку носят характер типологического обобщения действующих правовых норм. Принципы создаются внутри парадигмы, но сами не составляют ее содержание, а скорее являются выводимым из нее следствием.

Представляется верным подход, избранный А. И. Овчинниковым, связавшим исследование

⁸ Кун Т. Указ. соч. С. 152.

⁹ Гафуров Я. М. Правовые принципы как идеологическая парадигма развития российской правовой среды // Вестник Международного юридического института. 2016. № 4 (59). С. 111.

¹⁰ Варламова Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 24–35; Зарубаева Е. Ю. Парадигмы правопонимания: теоретико-исторический анализ // Глаголь правосудия. 2018. № 4. С. 59–62.

¹¹ Шаханов В. В. Правовые парадигмы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 10.

¹² См.: Напалкова И. Г. Формирование основополагающих парадигм европейской правовой культуры // Правовая культура. 2020. № 1 (40). С. 26–39.

правовой парадигмы с анализом правового мышления, которое может доминировать в тот или иной период развития общества.

Правовое мышление — это совокупность теоретико-методологических и аксиологических констант, которые определяют развитие юридической науки, а также права в целом. Преимущество метатеоретического метода исследования правовой парадигмы связано с тем, что оно позволяет обратиться к условиям мышления о праве, а не к нормам и установкам, которые уже заданы в рамках той или иной парадигмы. Когда произошел переход от одной парадигмы в другую, возврат к прежней уже невозможен на уровне мышления, в отличие от установок ученого, который может предпочесть в одно время позитивизм, а в другое — естественное право, что может зависеть от изменения его личного мировоззрения. В случае с анализом правового мышления мировоззрение становится категорией более универсальной, означающей, что при смене эпох возврата к прежним пережитым эпохам уже нет, а значит, нет и возврата к соответствующему типу мышления.

Исходя из этого, А. И. Овчинников выделил две парадигмы: классическую и неклассическую¹³. Каждая из них представляет собой «комплекс ценностей, идеалов и норм, необходимых для интерпретации общественных процессов со стороны социально-гуманитарного знания, легитимирующего или отрицающего символический универсум той или иной культурно-исторической эпохи»¹⁴.

В классической парадигме, поясняет А. И. Овчинников, доминирует представление о неких универсальных принципах природы человека и общества, которые затем кладутся в основание концепций права (натурализм, теоцентризм, рационализм и т.д.). В неклассической парадигме природа человека интерпретируется как социокультурная переменная. Природы человека нет как субстрата, поскольку она создается в процессе социального общения (конструктивизм)¹⁵.

При этом в пределах указанных парадигм могут быть различные подходы к пониманию действительности права. Так, например, в позитивизме реальность воспринимается сквозь призму социальных отношений (социологизм), закона (легизм), правовых эмоций (психоло-

гизм); реальность естественного права обосновывается априорными категориями: разумом (рационализм), Богом (теологизм), природой (юснатурализм). Для классической парадигмы в целом характерна та или иная онтология, неклассическая в ней не нуждается в силу самовоспроизводства социального порядка (конструктивизм). Однако, несмотря на концептуальные различия, остается неизменным то, что основой классической парадигмы остается свобода человека; неклассической — природа, каковы бы ни были концептуальные обобщения и источники представлений о правовой действительности (авторизующих началах).

Для правового исследования интерес представляют обе вышеуказанные парадигмы, которые в целом соответствуют двум противоположным научным установкам: реализму и конструктивизму. Для реализма человек и мир принципиально познаваемы; для конструктивизма познаваемость мира, равно как и истинность, есть результат прагматизма или конвенции, что исключает абсолютизацию научного знания. В праве реализм представлен теми типами правопонимания, каждый из которых опирается на отдельную сущность: космос, Бог, разум, общество и т.д.; конструктивизм представлен постмодернистским типом правопонимания, для которого онтология не имеет значения (конвенционализм, прагматизм, радикальный конструктивизм).

В пределах классического и неклассического типов правового мышления (парадигм) можно говорить о любой сфере социогуманитарного знания, включая отдельные области правовых исследований, одной из которых является уголовное право.

Парадигма ответственности и парадигма безопасности в уголовном праве. Представляется, что выделенные подходы — реализм и конструктивизм, получившие развитие соответственно в рамках классической и неклассической парадигм, можно применить к изучению уголовного права, в частности понятия преступления во взаимосвязи с наказанием. Для классической парадигмы преступление укладывается в любой онтологический тип правопонимания (утверждается, что преступление есть само по себе — *malum in se*); для конструктивизма в неклассической парадигме значение

¹³ Овчинников А. И. Правовое мышление : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 52.

¹⁴ Овчинников А. И. Указ. соч. С. 54.

¹⁵ Овчинников А. И. Указ. соч. С. 55–56.

приобретает не онтология преступления, а человеческое поведение или собственно субъект, тогда как преступление объявляется конструктом (утверждается, что преступление есть продукт законотворчества — *malum prohibitum*).

В основе классической парадигмы лежит уверенность в том, что действия человека имеют предустановленное содержание (нормативность), исходящее из некоего высшего (трансцендентного) авторитета или разума. Общественная опасность здесь определяется реакцией общества на нарушение приказа (правила) и, как правило, обуславливается сакральной или моральной значимостью поступка. Реакция есть прямое выражение негодования по поводу нарушенной справедливости, что требует возмездия (ретрибутивная концепция наказания). В этом смысле при включении онтологии в понятие преступления образуется парадигма ответственности.

Для неклассической парадигмы характерен тезис о том, что нормативность поведения человека выстраивается в соответствии с социальными законами, наподобие законов природы. Метафизические оттенки поступков исключаются, их заменяют социальные основания. Каковы эти основания — таковы и поступки. Основу неклассической парадигмы составляют порядок и безопасность общества (парадигма безопасности). Следовательно, общественная опасность есть реакция общества на нарушение условий, обеспечивающих его безопасность. Наказание определяется целью обеспечения безопасности, а не возмездия (консенвенциональная концепция наказания).

Условно переход с классической на неклассическую модель можно определить как переход от индивидуальной формы ответственности к социальной ответственности, что предполагает включение индивидуального типа мышления в социальный тип. Приобретают значение индивидуальные права, но и возрастает роль социальных ценностей (жизнь, здоровье, честь, достоинство и пр.), притязание на которые каждого формирует область правоотношений, реализуемых посредством закона и иных нормативных систем и правил.

В неклассической парадигме человек в большей степени ответственен не за себя — индиви-

дуальное духовное существо, а в целом перед обществом. В таком случае его действия предопределяются социальными интересами. Индивидуальные интересы должны совмещаться с социальной пользой (общим благом), как учили утилитаристы (И. Бентам, А. Смит). Поэтому безопасность общества есть одновременно дисциплина субъекта, общий контекст его свойства быть существом социальным. Находиться в безопасности — значит находиться в обществе, в котором каждый заинтересован в том, чтобы не выходить за рамки сложившегося правопорядка, безотносительно природы поступков и их характера. В парадигме безопасности онтология поступков не имеет значения, поскольку ее сфера сопряжена с разумом, мыслящим свои действия не в части онтологии запрета конкретного действия (запрещено, поскольку так завещали предки или указал Бог и т.д.), а в части оценки нормативности и нормальности поведения в целом с оглядкой на общественное мнение.

Смена взгляда на преступление (с классического на неклассический) создала почву для дискуссии не только о задачах и целях уголовного права, но и о человеческой природе, ее сущности, свободе, злом и добром начале и т.д. Следует упомянуть об известной дискуссии между П. А. Фейербахом и К. Грольманом, которая развернулась в XIX в. Их взгляды соответствуют рассматриваемым парадигмам: П. А. Фейербах представлял классическую, а К. Грольман — неклассическую парадигму. Суть дискуссии состояла в определении цели, которую должно преследовать наказание лиц, совершивших преступление. П. А. Фейербах, один из основателей психологической теории уголовной ответственности, основывался на самоочевидном, по его мнению, тезисе: наказание указывает субъекту на страдания за совершение преступлений, а потому он от них из-за страха воздерживается. Эта естественная ассоциация, без которой нельзя представить себе наказание как таковое. Таким образом П. А. Фейербах, следуя идеям представителей классической немецкой философии¹⁶, основанием ответственности видел именно деяние, запрещенное под угрозой наказания. «Объект наказания — совершенное деяние; ближайшее основание применения

¹⁶ Наказание следует только потому, что было совершено преступление, поэтому данная теория лежит вне субъекта и воспринимается в качестве универсального закона природы (абсолютной естественной справедливости). Так, И. Кант понимал наказание посредством категорического императива разума и поэтому отвергал всякую его цель. «Наказание... никогда не может быть для самого преступника или

кары — лежащий в прошлом факт нарушения закона»¹⁷. Ученый писал, что не в интересах будущего карается субъект, он несет наказание исключительно потому, что совершил преступление, или потому, что является причиной таких деяний, которые сами заключают в себе условия для наложения страдания¹⁸.

В отличие от П. А. Фейербаха, К. Грольман отдавал предпочтение специальной превенции: наказание должно быть связано не с абстрактным устрашением, а с практической необходимостью обеспечивать безопасность общества в момент исполнения конкретных мер уголовно-правового воздействия. Исходной идеей для К. Грольмана служит учение, согласно которому правовой порядок является высшей формой общественных отношений. Этот правопорядок естественным образом присутствует в сознании каждого индивида. Позитивное же право существует как необходимое дополнение к нему, направленное на обеспечение безопасности общества¹⁹. Таким образом, усилия государства должны быть направлены на предупреждение преступлений со стороны расположенных к тому индивидов. Модус наказания, согласно К. Грольману, не прошлое, в котором располагается факт содеянного, а будущее сквозь призму оценки безопасности личности, совершившей это деяние. Только оценив в полной мере преступное настроение (расположенность к преступлению), можно создать адекватный механизм, обеспечивающий общественный порядок и безопасность от лица, чей разум не содержит понятия об общественном благе и пользе. Предметом оценки суда должно быть не преступление, а величина опасности данной преступно настроенной личности.

Влияние парадигмы безопасности на реализацию уголовной политики и реформирование европейского и отечественного уголовного законодательства. Приведенная дискуссия между известными теоретиками уголовного права символична, ибо показывает, как изменялся модус не только научной мысли о преступлении и наказании, но и в каком направлении в связи с этим происходило реформирование уголовной политики в Европе: Англии, Франции, Италии, Испании и других странах, включая Россию.

Парадигма безопасности была развита в Новое время в лоне европейского общества, постепенно прогрессировала и распространилась до общемирового уровня, представляя собой неотъемлемый элемент социального управления и правопорядка. М. Фуко представлял безопасность как почву конституирования власти в условиях дисциплинарного общества. В дисциплинарном обществе, писал М. Фуко, место преступления как понятия, родственного греху и аморальному проступку, занимает преступник — тот, кто вредит, кто нарушает спокойствие общества. Преступник — это внутренний враг. В таком случае законодательство уже не может быть ориентировано на мщение или искупление греха, оно ориентировано, чтобы вред, причиненный обществу, был заглажен и чтобы в отношении общества преступления не повторялись. Потребность в безопасности, таким образом, обращает внимание политиков не на деяния, а на индивидов — членов общества в целях удержания их от преступлений. Собственно безопасность общества становится основой общественной организации и социального контроля. М. Фуко, развивая мысль о

для гражданского общества вообще только средством содействия какому-то другому благу; наказание лишь потому должно налагать на преступника, что он совершил преступление; ведь с человеком никогда нельзя обращаться лишь как со средством достижения цели другого лица и нельзя смешивать его с предметами вещного права, против чего его защищает его природная личность...» (*Кант И.* Метафизика нравов : Сочинения : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 6. С. 366). Г. В. Ф. Гегель, являясь создателем диалектической теории наказания, указал, что неправо (как антитеза права), к числу разновидностей которого, помимо непреднамеренного неправа и обмана, относится преступление, должно быть снято наказанием. Наказание существует только потому, что существует деяние как отрицание права, которое, в свою очередь, само должно быть подвергнуто отрицанию. «Снятие преступления есть возмездие, поскольку это возмездие есть по своему понятию нарушение нарушения и поскольку преступление по своему наличному бытию имеет определенный качественный и количественный объем и тем самым его отрицание как наличное бытие имеет такой же объем» (*Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М. : Мысль, 1990. С. 148–149).

¹⁷ Цит. по: *Киселев А. Д.* Психологическое основание уголовной ответственности. Харьков, 1903. С. 8.

¹⁸ *Киселев А. Д.* Указ. соч. С. 8.

¹⁹ *Киселев А. Д.* Указ. соч. С. 18.

построении дисциплинарного общества, приводит в пример масштабные изменения европейского законодательства в период между 1825 и 1860 гг. Они состояли в появлении смягчающих обстоятельств, учете личных мотивов преступления²⁰, преобразовании системы наказаний, способствующих контролю и психологическому исправлению. К этому же периоду относится появление термина «опасный индивид»²¹. «Понятие “опасности” означает, что индивид должен рассматриваться обществом не в плане своих правонарушений, но в плане поведенческих возможностей, которые приводят к правонарушениям»²². Социальный контроль не может поэтому осуществляться только со стороны правосудия, он нуждается во вспомогательных силах, таких как полиция и целая сеть учреждений по надзору и исправлению: психологические, психиатрические, криминологические, медицинские и педагогические учреждения, которые сопровождают индивида на протяжении всей его жизни²³. Власть этих институтов представляет собой власть над человеческим поведением.

В первой половине XX в. парадигма безопасности продолжала влиять на европейскую уголовную политику и законодательство. Так, в 1909 г. был подготовлен проект нового Уголов-

ного кодекса Германии, в котором законодатель учел идеи позитивистов — сторонников идеи социальной защиты. В кодексе была сформулирована дифференцированная система уголовных наказаний. При назначении меры уголовной ответственности предлагалось учитывать личность преступника, в том числе душевные или иные физические данные, болезни, вредные пристрастия, создающие опасность рецидива преступлений²⁴. Данный проект принят не был, однако тенденция реформирования закона с учетом антропологического фактора сохранилась и в дальнейшем постепенно была воспринята не только в германском, но и в других европейских законах. Примером может служить также уголовное законодательство Италии 1930 г., которое сочетало в себе принципы классической школы права (ответственности) и позитивистского направления (безопасности)²⁵.

На путь реформирования отечественного уголовного законодательства в соответствии с концепцией безопасности в первой половине XX в. пошел и советский законодатель, который учел идеи позитивистской школы в наиболее реакционной их части. Основной задачей УК РСФСР 1922 г. являлась «защита государства трудящихся от преступлений и от общественно опасных элементов путем применения к

²⁰ Как пишет И. Я. Фойницкий, смягчающие обстоятельства, а равно право присяжных заседателей присоединять к наказанию признание того, что подсудимый заслуживает снисхождения, коренится во французском законодательстве, которое послужило образцом для русского уголовного права. Появление нормы о снисхождении связано с тем, что присяжных заседателей останавливала излишняя строгость закона, и потому во избежание оправдательных приговоров, несогласных с их собственным убеждением, им была предоставлена возможность влиять на тяжесть наказания в определенных законом размерах. Смягчающие обстоятельства становятся юридическим средством усмирения внутреннего убеждения суда, когда существовало сомнение в общественной опасности виновного (Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. Изд. 3-е, пересмотр. и доп. СПб., 1910. С. 458).

²¹ Итальянский криминолог Рафаэль Гарофало одним из первых ввел в употребление термин опасного индивида и опасного состояния личности в книге «Критерии опасного человека» (1880). Под опасным состоянием он понимал перманентную и имманентную склонность человека к совершению преступлений. Позднее, в 1904 г., этот термин стал более широко применяться представителями не только антропологической школы, но и социологической, не исключавшей роли личности в совершении преступления и полагавшей его в качестве продукта негативных общественных отношений (см.: Сафронова Е. В., Лоба В. Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 12).

²² Фуко М. Истина и правовые установления // Интеллектуалы и власть : Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2 / пер. с фр. И. Окуневой ; под общ. ред. Б. М. Скуратова. М. : Праксис, 2005. С. 107.

²³ Фуко М. Указ. соч. С. 108.

²⁴ Барышева К. А. Исторический анализ уголовной политики Германии (1871–1945 гг.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 4. С. 188.

²⁵ Уголовное право зарубежных стран. Общая часть : учебник для вузов / Н. Е. Крылова, Н. А. Голованова, И. Д. Козочкин. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 428.

нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальной защиты» (ст. 5). В соответствии со ст. 7 этого же Кодекса «опасность лица обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку»²⁶. Отказавшись от строгого следования принципу *nullum crimen sine lege*, законодатель в УК РСФСР 1922 г. допускал применение аналогии в случаях отсутствия в нем прямых указаний на отдельные виды преступлений (ст. 10), а вина рассматривалась сквозь призму оценки опасности лица, совершившего преступление²⁷. М. М. Исаев отмечал, что эпохе военного коммунизма чуждо представление о заранее известных составах общественно опасных деяний, поскольку суд самостоятельно решал, опираясь на революционное (социалистическое) правосознание, какое деяние может обладать признаком общественной опасности, а какое — нет²⁸. Г. Ю. Маннс выражал мнение, что в выводе о степени наказуемости приоритет должен отдаваться не деянию, а оценке общественной опасности лица. В будущем, как отмечает ученый, эта двойственность оснований ответственности (деяния и личности) в условиях развитого социализма отпадет и личность станет главным объектом социального воздействия²⁹.

Рационализация уголовной репрессии в парадигме безопасности. Парадигма безопасности потребовала определения целей наказания. Если общественная опасность состоит не в оценке деяния, а в оценке личности, значит,

необходимо рационализировать наказание, чтобы оно не было только рефлекторной реакцией на совершенное преступление (возмездием). В XIX–XX вв. такие цели были определены: предупреждение совершения общественно опасных посягательств в пределах общественной самозащиты³⁰, правовое воспитание, укрепление положительных мотивов поведения³¹. В связи с этим наказание не просто рассматривалось как следствие преступления, а становилось объектом научного анализа того, каким оно должно быть, чтобы предотвращать преступления. Вместе с тем ставится вопрос о справедливости наказания, поиске оптимальных его моделей в зависимости от совершенного деяния. Причем данные модели в целом зависят от эффективности правоприменительной деятельности (от своевременности выявления преступления, качества расследования и установления виновности). Наказание требует, чтобы преступник не только мыслил его возможность, он должен быть убежден в том, что оно станет необходимым следствием совершения преступления. В рамках парадигмы безопасности это потребовало укрепления сферы правоохранительной деятельности, развития и усиления социальной дисциплины.

Таким образом, наказание из возмездия становится постепенно методом индивидуальной и социальной терапии, призванной в первую очередь связать личность и общество. Лицо становится преступником не потому, что ему присущи криминальные черты, а потому, что оно не обладает достаточной способностью

²⁶ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с Уголовным кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

²⁷ «Вина не ограничивается отдельным преступным эпизодом, не исчерпывается умыслом или неосторожностью в отношении данного преступного результата, а выходит за пределы, обнимая отношение интересующего деяния ко всему психическому укладу личности, к характерным сторонам ее, к постоянным свойствам. Появляется новое, более глубокое понимание вины в материальном смысле, по выражению Листа, конкретной вины, по выражению Эткера, вины как преступного настроения, по выражению Ван-Калькера. Так создается другой прочный фундамент уголовного права, позволяющий возвести новое здание науки, которое отличается не одной красотой архитектоники, но и открывает возможности вместить и выполнить возлагаемые на него жизнью задачи». (Немировский Э. Я. Опасное состояние личности и репрессия // Право и жизнь. 1924. Кн. 1. С. 8).

²⁸ Исаев М. М. Понятие социальной опасности в основных началах уголовного законодательства союза и союзных республик // Советское право. 1925. № 4. С. 56–57.

²⁹ Маннс Г. Ю. Отношение Уголовного кодекса 1926 года к вине и опасному состоянию // Проблемы преступности : сборник / под ред. членов института Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича и М. Гернета. Вып. 3. М., 1928. С. 51–53.

³⁰ Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. СПб., 1889. С. 55–66.

³¹ Жижиленко А. А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Петроград, 1914. С. 198.

воспринимать социальные нормы или не желает нести ответственность перед обществом. Наказание — это не простая индивидуальная мера ответственности, это мера социального масштаба, которой придается публичное значение средства предупреждения ради общественной безопасности. Этот вывод весьма важен, поскольку в нем заключается новый взгляд на человека и общество в целом. Ответственность перед обществом (так же как перед Богом или сувереном) дает начало парадигме безопасности. Человек рассматривается как разумное существо, понимающее заранее установленные нормативные требования и правила, относительно которых он, руководствуясь своей свободой, определяет характер поведения и поступков.

В неклассической парадигме существует оптимизм относительно разума человека, который как надежный критик и цензор подскажет оптимальный и правильный тип поведения как наиболее отвечающий свойству благоразумия. В противном случае нарушителя ждет неминуемое наказание, чего никто по доброй воле для себя не желает. Поэтому наказание выступает средством вероятностного прогнозирования поведения человека в соответствии со шкалой терпимости общества к тем или иным поступкам. Чем нетерпимее общество к отдельным деяниям, тем выше должен быть уровень правовых последствий в виде наказания.

Однако вместе с тем гуманистический подход к индивиду как внутренне свободному и потому социально ответственному привел к тому, что на практике выстроилась целая система предупреждения, изменившая взгляд на уголовное наказание как на единственное средство, способное удержать субъекта от будущего преступления. То есть, с одной стороны, освободив человека от возмездия за преступления, гуманизм, с другой стороны, связал человека сферой дисциплины. Социальная ответственность поэтому имеет не просто чисто практическое значение как отдельный духовный опыт, но это опыт именно деятельности, находящейся под социальным контролем: че-

ловек подтверждает, соблюдая нормы и правила, что он безопасен, а значит, социально ответственен.

Поведение как объект социального контроля. Поведение человека в обществе становится маркером его состояния (опасности/безопасности), которое надлежит рассматривать не через дискретные акты деяний, а как континуальное, т.е. связанное в единую цепь, характеризующих установку индивида в отношении норм и общественных ценностей. Этот континуум поведения позволяет оценивать индивида целиком и полностью по отдельным актам действий, причем эта личностная оценка влияет на оценку его отдельных актов действий. Иначе говоря, действуя, человек получает оценку в двух измерениях — юридическом и социальном. В первом случае эта оценка основана на нормах поведения, выраженных, например, в отдельных составах деяний, во втором случае деяния маркируют личность (деятеля). Если классическая парадигма сосредотачивалась на деянии и наказании за них, мало занимаясь изучением деятеля, то в парадигме безопасности аналитический взгляд соскальзывает на субъект. Поэтому деяние не носит уже онтологический характер, важно знать деятеля: кто он, каковы его мотивы, представляет ли он опасность для общества. Эти вопросы образуют модус оценки поведения — настоящее и прошлое; они создают континуальное единство в оценке общественной опасности личности, что детерминирует уровень наказания. Так, институт повторности (рецидива), административной преюдиции, уголовных проступков (в редакции законопроекта Верховного Суда РФ от 13.10.2020³²) — все эти законодательные конструкции основаны на предшествующем поведении лица. Вместе с совершённым (исходным деянием), вместе с прошлым лица (ранее совершёнными административными проступками или преступлениями) образуется непосредственно сам состав, содержащий административную преюдицию или указание на имеющуюся у лица судимость (уголовно-правовую преюдицию)³³. Проступки же образуются по законопроекту за счет признака

³² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» // URL: <https://www.vsr.f.ru/files/29300/> (дата обращения: 11.05.2023).

³³ См., например: *Мирошниченко Д. В.* Преюдиция в уголовном праве России: теоретико-прикладное исследование. М. : Юрлитинформ, 2022. 208 с.

совершения преступления впервые. Более того, поведение, из которого следует вывод об опасности лица, участвует в образовании превентивных составов деяний (составов опасности), когда поведение непосредственно не приводит к наступлению последствий, но по причине высокой вероятности их наступления может образовывать состав преступления. Иначе говоря, преступлениями становятся некие признаки опасного поведения, которые типично (реально) могут приводить к более опасным последствиям. К ним, например, можно отнести так называемые составы с двойной превенцией³⁴ или реальной опасности³⁵ (например, ст. 205.1 УК РФ — содействие террористической деятельности, 205.3 — прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, 205.4 — организация террористического сообщества и участие в нем, 209 — бандитизм).

В западной литературе распространение криминализации типичных признаков общественно опасного поведения личности, которые получили наименование *предпреступлений* (*precrime*)³⁶, всерьез обсуждается как современная проблема нарушения прав и свобод личности: угрозы (реальные или абстрактные) в зависимости от их проблематизации в обществе дают повод к расширению криминализации (сверхкриминализации) и увеличению применения превентивных мер социальной защиты. Понятие «предпреступление» воплощает временной парадокс, когда преступление еще не произошло, однако является предreshенным. Однако в современной криминологии и уголовной юстиции под предпреступлениями больше понимаются не абстрактные прогнозы, а вполне конкретные, когда речь идет о распознавании опасного поведения лица, способного с боль-

шой долей вероятности совершить в будущем преступление. Термин «предпреступление» показателен также в том смысле, что его употребление отвечает современным потребностям уголовной юстиции, всё больше озабоченной предвосхищением угроз и являющейся анти-тезой традиционной системе уголовного правосудия, сосредоточенной на ответственности за преступления, совершенные в прошлом³⁷. Как верно отметила А. Л. Гуринская, «не всегда криминализация является ответом на реально существующие угрозы. Она может быть результатом “моральной паники” объективно не мотивированного повышенного уровня страха населения перед тем или иным видом поведения... Парадокс состоит в том, что не только преступление предполагает необходимость социального контроля, но контроль презюмирует наличие преступления»³⁸.

В структуру оценки общественно опасного поведения попадают не только прошлые противоправные акты — преступления (при рецидиве) или административные проступки (при административной преюдиции), но даже аморальное поведение. Масштабы социального контроля несложно увидеть, ознакомившись с Федеральным законом от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»³⁹. В части 2 его ст. 16 указано: «Специальные меры профилактики правонарушений, предусмотренные законодательством Российской Федерации, применяются субъектами профилактики правонарушений и их должностными лицами при выявлении правонарушений либо причин и условий, способствующих их совершению, а также лиц, поведение которых носит противоправный или антиобщественный характер, или

³⁴ См., например: *Ображиев К. В., Шуйский А. С.* Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, сущность и виды // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2009. № 12. С. 116–122.

³⁵ См., например: *Курсаев А. В.* Состав проставления в опасность в уголовном праве // *Вестник экономической безопасности.* 2019. № 3. С. 166–180.

³⁶ Термин «предпреступление» был придуман автором научной фантастики Филиппом Диком и использован в рассказе «Отчет меньшинства» (по мотивам рассказа был снят известный кинофильм, который в российском прокате имел название «Особое мнение»). По сюжету произведения в обществе будущего три мутанта предвидят все преступления. Подключенные к огромной машине, эти оракулы позволяют подразделению полиции Precrime арестовывать подозреваемых до того, как они смогут совершить какие-либо реальные преступления.

³⁷ *Jochelson R., Gacek J., Menzie L., Kramar K., Doerksen M.* Criminal Law and Precrime Legal Studies in Canadian Punishment and Surveillance in Anticipation of Criminal Guilt. New York : Taylor and Francis, 2018. 130 p.

³⁸ *Гури́нская А. Л.* Англо-американская модель предупреждения преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2018. С. 108.

³⁹ *СЗ РФ.* 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.

лиц, намеревающихся совершить правонарушение (курсив мой. — Д. М.)». Статья 2 данного закона определяет, что понимается под антиобщественным поведением: «не влекущие за собой административную или уголовную ответственность действия физического лица, нарушающие общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц».

Нетрудно заметить, что позитивизм вышел далеко за пределы уголовного права и распространил идеологию предупреждения на другие отрасли права и сферы социальной активности. В сфере безопасности выстроилась довольно внушительная система сдержек, включающая нормы превентивного характера. В связи с этим в российской криминологии даже получила распространение идея о необходимости разработки и теоретического обоснования — в разных терминологических вариациях — права противодействия преступности⁴⁰, криминологического права⁴¹, уголовно-превентивного⁴² или профилактического права⁴³. Так, Д. А. Шестаков, например, пишет, что криминологическое законодательство составляет нормативную основу социального контроля за преступностью в той его части, которая не связана с применением уголовной репрессии; оно складывается из нормативных актов: 1) определяющих криминологическую политику; 2) направленных на ресоциализацию криминогенных слоев населения; 3) специально предупреждающих правонарушения несовершеннолетних и молодежи; 4) обеспечивающих помощь жертвам преступлений; 5) регламентирующих деятельность субъектов социального контроля за преступностью⁴⁴.

Личность как основа парадигмы безопасности. Переход от классической парадигмы в неклассическую образовал тонкую грань между преступлением как основанием ответственности и опасным состоянием как основанием

применения мер безопасности. Деяние, являясь выражением внутренней мотивации личности, остается индикатором опасного состояния личности. При этом есть определенное тяготение к тому, чтобы отказаться от деяния, коль скоро преступность есть внутреннее качество, проявленное в поведении, и направить усилия к тому, чтобы обнаруживать по признакам индивида его общественно опасное состояние.

Всё же общее положение, объединившее представителей и классической, и неклассической парадигмы, сохранилось: наличие деяния как основания уголовной ответственности необходимо для применения мер уголовной репрессии. Допустить опасное состояние личности невозможно без ущерба для концепции юридического мышления, основу которого составляет представление о равенстве и справедливости. Опасное состояние человека, за которое возможно назначение мер социальной защиты, не вписывается в правовой дискурс, поскольку юрист судит о человеке лишь сквозь призму проявления его воли, т.е. через конкретные деяния, имеющие, а равно не имеющие уголовно-правового значения.

Однако гносеологический запрет на определение опасного состояния в качестве основания применения уголовно-правовых мер, как было показано, не мог помешать развитию идеи о предупреждении преступлений. Появившись в юридическом дискурсе, человек как самодовлеющий субъект права предопределил развитие уголовно-правовой науки и ее существенные изменения под натиском мысли о возможности позитивно влиять на поведение и прогнозировать его. Преступник — это, безусловно, враг с позиции классической парадигмы, причем враг скрытый, и возникает он внезапно, стихийно, вместе с совершенным им преступлением; в парадигме предупреждения преступник — враг ожидаемый, распознанный,

⁴⁰ Шестаков Д. А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1 (28). С. 47–50.

⁴¹ Орлов В. Н. Криминологическое право: понятие, предмет, метод и система // Сборник материалов V Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» (Пермь, 4–6 апреля 2018 г.). Пермь, 2018. С. 22–27.

⁴² Трунцевский Ю. В. Российское уголовно-превентивное право: признаки отрасли // Российский криминологический взгляд. 2010. № 3. С. 165–173.

⁴³ Разгильдиев Б. Т. Проблемы понятия профилактики преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 5 (136). С. 194–201; Поликарпова И. В., Зайцева О. В. Профилактическое право: понятие, структура и содержание // Юридические исследования. 2020. № 8. С. 39–48.

⁴⁴ Шестаков Д. А. О проекте кодекса предупреждения преступлений и мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1 (48). С. 13.

поскольку его поведение становится прогнозируемым благодаря механике дисциплины, выходящей далеко за рамки уголовного права. Гуманизм вписал человека в юридический дискурс, объявив его свободным и ответственным, а позитивизм нивелировал индивидуализм, когда объявил безопасность общества приоритетом уголовной политики и права.

Общественная опасность в условиях парадигматических трансформаций переходит от деяния к личности. Именно личность объявляется необходимым элементом научной основы изучения преступности. Преступления совершаются, а не появляются как некие случайности. Поэтому механизм преступления — это не просто внешнее поведение, это в первую очередь внутренняя мотивация и другие личностные аспекты, которые приводят в действие механизм преступлений. Значит, первейшей задачей является познание личности, ее опасности как индивидуального качества, способного привести к совершению преступлений.

Итак, предметом анализа в статье явилась парадигма, которая понимается автором как стереотип мышления, в частности правового мышления, характерного для определенного исторического этапа развития общества. Приняв за основу суждений куновскую модель парадигматических изменений (революций), автор отмечает, что в отличие от естествознания социальные науки эволюционны. Вместе с тем наука является в первую очередь предметом

человеческого творчества, она социальна, а значит, подчинена мировоззренческим установкам, которые были типичны для различных периодов развития общества. Были выделены две основные парадигмы — классическая и неклассическая, которые соответствуют двум базовым научным установкам — реализму и конструктивизму. Установлено, что изменение отношения человека к самому себе, его места и роли в природе определило основу изменения, которое произошло в области науки: исследования перешли из области метафизических обоснований в область позитивизма и эмпиризма. Для области правовых исследований — это означало возможность познания права и правопорядка не в связи с трансцендентными или трансцендентальными основаниями, а в связи с познанием человеческого поведения. В связи с этим для целей познания парадигматической основы уголовного права была применена модель классической и неклассической парадигм относительно понятия преступления. Классическая парадигма (парадигма ответственности) объявляет преступление действительностью, что означает необходимость онтологического обоснования); неклассическая парадигма сосредоточена на поведении человека и его опасности (парадигма безопасности), что позволяет рассматривать преступление как социальную конструкцию, усиливать и расширять социальный контроль над поведением индивидов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Барышева К. А. Исторический анализ уголовной политики Германии (1871–1945 гг.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2015. — № 4.
2. Варламова Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. — 2009. — № 12. — С. 24–35.
3. Гафуров Я. М. Правовые принципы как идеологическая парадигма развития российской правовой среды // Вестник Международного юридического института. — 2016. — № 4 (59). — С. 102–112.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М. : Мысль, 1990. — 524 с.
5. Горбухова М. Ю. Естествознание и гуманитарные науки: различие и проблема единства в контексте формирования гуманитарной культуры специалиста-естествоиспытателя // Известия Алтайского государственного университета. — 2007. — № 2. — С. 101–105.
6. Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2018.
7. Жижиленко А. А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. — Петроград, 1914. — 676 с.
8. Зарубаева Е. Ю. Парадигмы правопонимания: теоретико-исторический анализ // Глаголь правосудия. — 2018. — № 4. — С. 59–62.
9. Исаев М. М. Понятие социальной опасности в основных началах уголовного законодательства союза и союзных республик // Советское право. — 1925. — № 4. — С. 56–57.

10. Кант И. Сочинения : в 8 т. Т. 6. — М. : Чоро, 1994. — 613 с.
11. Киселев А. Д. Психологическое основание уголовной ответственности. — Харьков, 1903. — 318 с.
12. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. — М. : Прогресс, 1977. — 300 с.
13. Курсаев А. В. Состав проставления в опасность в уголовном праве // Вестник экономической безопасности. — 2019. — № 3. — С. 166–180.
14. Ламетри Ж. Сочинения. — М. : Мысль, 1983. — 507 с.
15. Маннс Г. Ю. Отношение Уголовного кодекса 1926 года к вине и опасному состоянию // Проблемы преступности : сборник / под ред. членов института Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича и М. Гернета. — Вып. 3. — М., 1928. — С. 35–53.
16. Мирошниченко Д. В. Преюдиция в уголовном праве России: теоретико-прикладное исследование. — М. : Юрлитинформ, 2022. — 208 с.
17. Напалкова И. Г. Формирование основополагающих парадигм европейской правовой культуры // Правовая культура. — 2020. — № 1 (40). — С. 26–39.
18. Немировский Э. Я. Опасное состояние личности и репрессия // Право и жизнь. — 1924. — Кн. 1. — С. 3–13.
19. Ображиев К. В., Шуйский А. С. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, сущность и виды // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2009. — № 12. — С. 116–122.
20. Овчинников А. И. Правовое мышление : дис. ... д-ра юрид. наук. — Ростов н/Д, 2004. — 512 с.
21. Орлов В. Н. Криминологическое право: понятие, предмет, метод и система // Сборник материалов V Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» (Пермь, 4–6 апреля 2018 г.). — Пермь, 2018. — С. 22–27.
22. Поликарпова И. В., Зайцева О. В. Профилактическое право: понятие, структура и содержание // Юридические исследования. — 2020. — № 8. — С. 39–48.
23. Разгильдиев Б. Т. Проблемы понятия профилактики преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2020. — № 5 (136). — С. 194–201.
24. Сафронова Е. В., Лоба В. Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 2. — С. 10–17.
25. Спенсер Г. Социальная статика. — Киев : Гама-Принт, 2013. — 496 с.
26. Степин В. С. Теоретическое знание. — М. : Прогресс-Традиция, 2003. — 743 с.
27. Суворов Г. В. Методологические проблемы формирования парадигм гуманитарного знания. — Киров : Вятский государственный университет, 2021. — 195 с.
28. Трунцевский Ю. В. Российское уголовно-превентивное право: признаки отрасли // Российский криминологический взгляд. — 2010. — № 3. — С. 165–173.
29. Уголовное право зарубежных стран. Общая часть : учебник для вузов / Н. Е. Крылова, Н. А. Голованова, И. Д. Козочкин. — 5-е изд., перераб. и доп. — М., 2023. — 490 с.
30. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. — Изд. 3-е, пересм. и доп. — СПб., 1910. — 586 с.
31. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. — СПб., 1889. — 514 с.
32. Фуко М. Истина и правовые установления // Интеллектуалы и власть : Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2 / пер. с франц. И. Окуневой ; под общ. ред. Б. М. Скуратова. — М. : Праксис, 2005. — 320 с.
33. Шаханов В. В. Правовые парадигмы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Владимир, 2005. — 26 с.
34. Шестаков Д. А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2013. — № 1 (28). — С. 47–50.
35. Шестаков Д. А. О проекте кодекса предупреждения преступлений и мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 1 (48). — С. 13–20.
36. Jochelson R., Gacek J., Menzie L., Kramar K., Doerksen M. Criminal Law and Precrime Legal Studies in Canadian Punishment and Surveillance in Anticipation of Criminal Guilt. — New York : Taylor and Francis, 2018. — 130 p.

Материал поступил в редакцию 8 апреля 2023 г.

REFERENCES

1. Barysheva KA. Istoricheskiy analiz ugolovnoy politiki Germanii (1871–1945 gg.) [The Historical Analysis of Anti-Criminal Policies in Germany (1871–1945)]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2015;4:186-196. (In Russ.).
2. Varlamova NV. Rossiyskaya teoriya prava v poiskakh paradigmy [The Russian theory of law in search of a paradigm]. *Journal of Russian Law*. 2009;12:24-35. (In Russ.).
3. Gafurov YaM. Pravovye printsipy kak ideologicheskaya paradigma razvitiya rossiyskoy pravovoy sredy [Legal principles as an ideological paradigm of the Development of the Russian Legal Environment]. *The International Law Institute Billuten*. 2016;4(59):102-112. (In Russ.).
4. Hegel GVF. *Filosofia prava* [Philosophy of Law]. Moscow: Mysl Publ.; 1990. (In Russ.).
5. Gorbukhova MYu. Estestvoznaniye i gumanitarnye nauki: razlichie i problema edinstva v kontekste formirovaniya gumanitarnoy kultury spetsialista-estestvoispytatelya [Natural science and humanities: the difference and the problem of unity in the context of the formation of the humanitarian culture of a specialist-naturalist]. *Izvestiya of Altai State University*. 2007;2:101-105. (In Russ.).
6. Gurinskaya AL. *Anglo-amerikanskaya model preduprezhdeniya prestupnosti: dis. ... d-ra yurid. nauk* [The Anglo-American model of crime prevention: Dr. Sci. (Law) Diss.]. St. Petersburg; 2018. (In Russ.).
7. Zhizhilenko AA. Nakazanie. Ego ponyatie i otlichie ot drugikh pravookhranitelnykh sredstv [Punishment. Its concept and difference from other law enforcement means]. Petrograd; 1914. (In Russ.).
8. Zarubaeva EYu. Paradigmy pravoponimaniya: teoretiko-istoricheskiy analiz [Paradigms of legal understanding: theoretical and historical analysis]. *Glazol pravosudiya*. 2018;4:59-62. (In Russ.).
9. Isaev MM. Ponyatie sotsialnoy opasnosti v osnovnykh nachalakh ugolovnogo zakonodatelstva soyuza i soyuznykh respublik [The concept of social danger in the basic principles of the criminal legislation of the Union and the Union Republics]. *Sovetskoe pravo*. 1925;4:56-57. (In Russ.).
10. Kant I. *Sochineniya v 8 t.* [Essays: in 8 vols]. Vol. 6. Moscow: Choro Publ.; 1994. (In Russ.).
11. Kiselyov AD. *Psikhologicheskoe osnovaniye ugolovnoy otvetstvennosti* [Psychological basis of criminal liability]. Kharkov; 1903. (In Russ.).
12. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy. S vvodnoy statey i dopolnениями 1969 g.* [The structure of scientific revolutions. With an introductory article and additions 1969]. Moscow: Progress Publ.; 1977. (In Russ.).
13. Kursae AV. *Sostav prostavleniya v opasnost v ugolovnom prave* [The composition of putting in danger in criminal law]. *Vestnik of Academy of Economic Security*. 2019;3:166-180. (In Russ.).
14. Lametri J. *Sochineniya* [Essays]. Moscow: Mysl Publ.; 1983. (In Russ.).
15. Manns GYu. *Otnosheniye Ugolovnogo kodeksa 1926 goda k vine i opasnomu sostoyaniyu* [The relation of the Criminal Code of 1926 to guilt and dangerous condition]. In: Shirvindt E, Traskovich F, Gernet M (eds.). *Problems of crime: Collection of Papers. Issue 3*. Moscow; 1928. (In Russ.).
16. Miroshnichenko DV. *Preyuditsiya v ugolovnom prave Rossii: teoretiko-prikladnoye issledovanie*. [Prejudice in Russian Criminal Law: Theoretical and applied research]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2022. (In Russ.).
17. Napalkova IG. *Formirovaniye osnovopolagayushchikh paradigm evropeyskoy pravovoy kultury* [Formation of the fundamental paradigms of the European legal culture]. *The Legal Culture*. 2020;1(40):26-39. (In Russ.).
18. Nemirovsky EYa. *pasnoe sostoyaniye lichnosti i repressiya* [Dangerous state of personality and repression]. *Pravo i zhyzn*. 1924;1:3-13. (In Russ.).
19. Obrazhiev KV, Shuisky AS. *Ugolovno-pravovye normy s dvoynoy preventsiei: ponyatie, sushchnost i vidy* [Criminal law norms with double prevention: concept, essence and types]. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2009;12:116-122. (In Russ.).
20. Ovchinnikov AI. *Pravovoe myshlenie: dis. ... d-ra yurid. nauk*. [Legal thinking: Dr. Sci. (Law) Diss.] Rostov-on-Don; 2004. (In Russ.).
21. Orlov VN. *Kriminologicheskoe pravo: ponyatie, predmet, metod i sistema* [Criminological law: concept, subject, method and system]. *Collection of Proceedings of the 5th International scientific and practical conference «Penitentiary System and Society: Experience of Interaction» (Perm, April 4–6, 2018)*. Perm; 2018 (in Russ.).
22. Polikarpova IV, Zaitseva OV. *Profilakticheskoe pravo: ponyatie, struktura i sodержaniye* [Preventive law: concept, structure and content]. *Legal Studies*. 2020;8:39-48. (In Russ.).
23. Razgildiev BT. *Problemy ponyatiya profilaktiki prestupleniya* [Problems of the concept of crime prevention]. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2020;5(136):194-201. (In Russ.).

24. Safronova EV, Loba VE. «Opasnoe sostoyanie lichnosti» kak kriminologicheskaya kategoriya [«Dangerous state of personality» as a criminological category]. *Russian Criminological Journal*. 2014;2:10-17. (In Russ.).
25. Spencer G. Sotsialnaya statika [Social statics]. Kiev: Gama-Print Publ.; 2013. (In Russ.).
26. Stepin VS. Teoreticheskoe znanie [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress-Tradition Publ.; 2003. (In Russ.).
27. Suvorov GV. Metodologicheskie problemy formirovaniya paradigm gumanitarnogo znaniya [Methodological problems of the formation of paradigms of humanitarian knowledge]. Kirov: Vyatka State University Publ.; 2021. (In Russ.).
28. Truntsevsky YuV. Rossiyskoe ugovovno-preventivnoe pravo: priznaki otrasli [Russian criminal preventive law: signs of the branch]. *Russian Criminological Outlook*. 2010;3:165-173. (In Russ.).
29. Krylova NE, Golovanova NA, Kozochkin ID. Ugolovnoe pravo zarubezhnykh stran [Criminal Law of Foreign Countries]. 5th ed. Moscow; 2023. (In Russ.).
30. Foynitsky IYa. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva [The course of criminal proceedings]. Vol. 2. 3rd ed. St. Petersburg; 1910. (In Russ.).
31. Foynitsky IYa. Uchenie o nakazanii v svyazi s tyurmovedeniem [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. St. Petersburg; 1889. (In Russ.).
32. Foucault M. Istina i pravovye ustanovleniya [Truth and legal regulations]. Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Part 2. Tr. from French. Moscow: Praxis Publ.; 2005. (In Russ.).
33. Shakhanov VV. Pravovye paradigmy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Legal paradigms: Author's Abstract]. Vladimir; 2005. (In Russ.).
34. Shestakov DA. Kriminologicheskoe zakonodatelstvo i pravo protivodeystviya prestupnosti [Criminological legislation and the law of combating crime]. *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2013;1(28):47-50. (In Russ.).
35. Shestakov DA. O proekte kodeksa preduprezhdeniya prestupleniy i mer bezopasnosti [About the draft Code of Crime prevention and security measures]. *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2018;1(48):13-20. (In Russ.).
36. Jochelson R, Gacek J, Menzie L, Kramar K, Doerksen M. Criminal Law and Precrime Legal Studies in Canadian Punishment and Surveillance in Anticipation of Criminal Guilt. New York: Taylor and Francis; 2018.